

ЗАПИСНА ОБЪ УБИЕНИИ КАПОДИСТРИИ, СОСТАВЛЕННАЯ А. Н. РАЙНОМЪ (1).

Биографія А. Н. Райка, русскаго офицера, принимавшаго непосредственное участіе въ освобожденіи Греціи и состоявшаго въ греческой службѣ во время гибели графа Каподистріи, помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ» 1868, стр. 279 — 308. Печатаемая здѣсь записка переведена съ французскаго подлинника, сохранившагося въ семействѣ А. Н. Райка и полученнаго нами въ списокъ, черезъ обязательное посредство Б. М. Маркевича. Записка эта имѣетъ особенную важность, какъ показаніе ближайшаго очевидца и какъ свидѣтельство челоѣка высокихъ нравственныхъ достоинствъ. Имя графа Каподистріи такъ тѣсно связано съ нашею исторіею, что читатели Русскаго Архива конечно не посѣтуютъ на насъ за помѣщеніе этой статьи. Н. Б.

Въ воскресенье, 27 сентября 1831 года, въ прекрасный осенній день, въ 6 часовъ утра, солдаты гарнизона Навплии (тогдашней столицы) выходили изъ своихъ казармъ и шли на обычное сборное мѣсто, на площадь, такъ называемую подъ Яворомъ, въ ожида-

ніи начала обѣдни. Пришедшіе изъ ближнихъ казармъ составили ружья въ козлы, а сами разсыпались по ближнимъ мѣстамъ.

По заведенному обычаю, войска молились въ церкви Св. Георгія, такъ называемомъ соборѣ Св. Георгія. Графъ Іоаннъ Антоновичъ Каподистрія, для исполненія своихъ христіанскихъ обязанностей, хаживалъ постоянно въ церковь Св. Сипридонія, несмотря на то, что она очень мрачнаго вида и стоитъ въ тѣсномъ мѣстѣ. Въ праздничные дни онъ рѣдко пропускалъ божественную службу, и въ означенное число 27 сентября, въ 6 часовъ утра, онъ пошелъ въ церковь (2) съ двумя обыкновенными своими провожатыми, слугой Албанцемъ и другимъ, въ родѣ ординарца, по имени Георгіемъ Кандіотти (3). Съ давняго времени лицо графа было пасмурно, но въ этотъ день онъ казался веселѣе обыкновеннаго (4). Съ при-

вѣтливую улыбкою кланялся онъ тѣмъ, кого отличалъ изъ числа встрѣчавшихся, и, по-видимому, вовсе не думалъ о возможности злодѣйскаго на него покушенія и не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія предстоявшей ему страшной гибели. Стѣна объ стѣну съ церковью Св. Спиридонія находится кофейная, извѣстная подъ названіемъ Алексѣевой. Артиллерійскіе офицеры, зашедшіе туда, явственно услыхали звукъ трехъ пистолетныхъ выстрѣловъ послѣдовательно одинъ за другимъ; минутой спустя, они увидѣли стремительно бѣгущаго человѣка, кричащаго изъ всѣхъ силъ, что президентъ убить.... Опасаясь, не вздумалъ ли кто нарочно затѣять смуту, офицеры остановили этого человѣка; но его испуганное лицо, несвязныя рѣчи, въ которыхъ онъ передавалъ подробности того, чему былъ свидѣтелемъ, не оставляли болѣе сомнѣнія въ томъ, что преступленіе совершилось.

Главный комендантъ крѣпости, полковникъ Алмейда, велѣлъ ударить тревогу и тотчасъ отрядилъ въ церковь роту (Ѣ) артиллеристовъ. Пришедши на мѣсто событія, солдаты увидѣли, что нѣкоторые изъ бывшихъ тамъ поднимаютъ тѣло президента и кладутъ на носилки; на полу валялся окровавленный ножъ; одинъ изъ офицеровъ поднималъ его. Ужасъ и скорбь выражались на лицахъ всѣхъ, присутствовавшихъ въ безмолвіи при этой сценѣ. Въ то время, когда ротный начальникъ дѣлалъ распоряженія для сохраненія въ церкви должнаго порядка, внезапно на улицахъ, пролегающихъ по высотѣ Ичь-Кале (см. примѣч. 1-е) послышались крики: «Вотъ онъ! Вотъ убійца! Бейте его! Добивайте злодѣя! Не щадите его!»—Четверо солдатъ, сержантъ и съ нимъ офицеръ бросились въ погоню за преступниками. Вотъ какимъ образомъ совершилось убійство.

Только-что президентъ подошелъ къ церкви, какъ съ изумленіемъ увидѣлъ тамъ Константина Мавромихали и Георгія (6). Послѣдній стоялъ у входа по лѣвую, а первый по правую сторону. Графъ, зная съ давняго времени свойства этихъ людей, а также ихъ враждебные замыслы, не могъ воздержаться, чтобы при видѣ ихъ не выразить тѣлодвиженіемъ своего отвращенія; затѣмъ, какъ бы устыдившись своей неловкой нерѣшительности, онъ тотчасъ оправился, и, проходя между ними, приподнялъ шляпу, чтобы привѣтствовать напередъ Константина, а потомъ Георгія. Константинъ отвѣчалъ на его поклонъ, приподнявъ свою феску лѣвою рукою, и когда президентъ повернулся къ Георгію, онъ вынулъ правую руку изъ подъ своего плаща, въ которой былъ пистолетъ, и выстрѣлилъ не цѣля. Пуля пролетѣла мимо. Злодѣй съ неслыханною дерзостію схватилъ ножъ и вонзилъ его графу въ низъ живота, по самую рукоять. При звукѣ выстрѣла президентъ, зажавъ рукою рану, повернулъ голову направо; тогда Георгій въ свою очередь воспользовался тѣмъ же самымъ случаемъ, что его жертва отъ него отвернулась, выхватилъ свой пистолетъ, также спрятанный подъ полой, и въ упоръ выстрѣлилъ въ голову графа, такъ что черепъ разлетѣлся на части (7).

Убійцы пустились бѣжать, и одинъ изъ нихъ соучастниковъ выстрѣлилъ въ третій разъ, для того чтобы, устранивъ народъ и заставивъ его разступиться, облегчить убійцамъ побѣгъ и затруднить преслѣдованіе.

Албанецъ, сопровождавшій графа, потянулъ голову и стоялъ какъ окаменѣлый. Георгій Кандіотти, владея только лѣвою рукою, подхватилъ раненаго и тихо опустилъ его на землю; потомъ, схвативъ одинъ изъ своихъ пистолетовъ, выстрѣлилъ въ Георгія, бѣжавшаго по направленію къ батарее

Пяти Братевъ, которая находится направо отъ церкви (8); но пистолетъ оскся. Заткнувъ его за поясъ, онъ выхватилъ другой, и завидѣвъ Константина, на разстояніи 40 шаговъ взбѣжавшаго по дорожкѣ, ведущей къ фасаду церкви, Кандіотти прицѣлился, выстрѣлилъ и попалъ ему въ лѣвый бокъ; затѣмъ, не теряя времени, пустился за нимъ въ погоню, но не догналъ. Въ то время, когда Кандіотти преслѣдовалъ Константина Мавромихали, толпа ворвалась въ церковь съ крикомъ: «Убійцы! Убійцы!» Немедленно для поимки ихъ отрядили солдатъ. Константинъ бѣжалъ сначала съ неимоверною скоростью, но будучи раненъ пошелъ медленнымъ и колеблющимся шагомъ. Истекая кровью и теряя силы, онъ оглянулся назадъ и, видя приближающихся къ нему солдатъ, вскричалъ въ испугѣ: «Не убивайте меня! Не мы причиною смерти президента!» Начальникъ отряда напрасно хотѣлъ удержать разсвѣпѣвшихъ солдатъ, которые начали бить его прикладами; чернь присоединила тутъ и свое пзступленіе, истерзала тѣло его ужаснымъ образомъ и даже самое платье его изорвала въ лоскутки. Тѣмъ временемъ Георгій Кандіотти, не успѣвъ напасть на слѣдъ Георгія и его сообщниковъ, воротился назадъ и, услышавъ крикъ и проклятія толпы, бросился къ тому мѣсту, гдѣ находился Константинъ, растолкалъ толпу и выстрѣлилъ въ него вторично, при чемъ пуля раздробила ему правое плечо. Когда ярость наредная утोलлась, тогда истерзаннаго Константина отволокли подъ арку въ воротахъ казармъ, что на площади подъ Яворомъ; тамъ онъ испустилъ духъ при всеобщихъ проклятіяхъ, въ судорожныхъ движеніяхъ. свидѣтельствовавшихъ о его жестокихъ мученіяхъ (9).

Командантъ крѣпости и бывшіе при немъ офицеры, постигая важность настоящей ми-

нуты, раздавали въ то время войскамъ заряды и разставляли караулы въ разныхъ мѣстахъ. Вдругъ на площади появился солдатъ, тащившій другаго Мавромихали за волосы, которые онъ намоталъ себѣ на руку; четверо другихъ помогали ему тащить почти обнаженное тѣло, оставлявшее за собою окровавленные лоскуты платья и потокъ крови. Солдаты, стоявшіе на площади подъ ружьемъ, испустили яростные крики; по счастью, при нихъ были начальники, которымъ стоило не малаго труда удержать ихъ отъ того, чтобы они не растерзали въ куски безцестнаго Мавромихали.

Между тѣмъ городскіе ворота съ моря и сухаго пути были заперты; тѣло покойнаго графа перенесено въ его домъ солдатами той самой роты, которая отряжена была въ церковь; приняты были мѣры противъ всѣхъ возможныхъ безпорядковъ, послѣдствіемъ которыхъ могли быть убійства и кровопролитія; возбужденное этимъ событіемъ раздраженіе партій не знало мѣры. Легко съ перваго взгляда можно было судить о великости угрожавшей опасности: люди на такіа злодѣянія не рѣшаются, если не имѣютъ надежды на сильную подпору... Такое предположеніе подкрѣплялось совпадениемъ столькихъ обстоятельствъ, что переходило въ увѣренность. Неумолимая пестина спметъ покровъ съ этого злодѣянія, и безпристрастное потомство пропзнесетъ справедливый приговоръ надъ тѣми коварными людьми, которые составили этотъ планъ и привели въ исполненіе.... Стыдъ и поношеніе пособникамъ!

Окончивъ всѣ распоряженія, храбрый и достойный комендантъ Алмейда вмѣстѣ съ полковникомъ Ш... и подполковникомъ Райко отправился на площадь Трехъ Адмираловъ, куда въ то же самое время, въ сопровожденіи своего штаба, прибылъ генералъ Же-

парть, командовавшій регулярными войсками; сюда же собрались прочія военные и гражданскія власти. Подъ сводами президентова дома стояла та самая артиллерійская рота, солдаты которой перенесли тѣло покойнаго. Взглядъ на ихъ мундиры, покрытые кровью, приводилъ въ содроганіе; въ сѣняхъ и на лѣстницѣ кровь еще дымилась... Народъ тѣсился ко входамъ и съ воплемъ испрашивалъ, какъ особенной милости, позволенія омочить въ ней лоскуты холста, въ благоговѣйномъ побужденіи сохранить эту каплю въ воспоминаніе о лучшемъ изъ людей, котораго привыкъ называть отцомъ своимъ. Окна домовъ, выходящихъ на площадь, были наполнены зрителями. Всѣ выражали глубокую скорбь не только безмолвными слезами, но стономъ и рыданіями; такую дань добродѣтелямъ и великимъ качествамъ покойнаго платилъ не однѣ, по природѣ болѣе чувствительныя, женщины; нѣтъ, здѣсь скорбѣли и домовитый гражданинъ, и отецъ семейства, и старый воинъ, закаленный въ пылу сраженій, и богатый, и бѣдный, и взрослый, и малолѣтний; всѣ говорили между собою о своемъ несчастіи и о томъ, что прошедшее не возвратимо.

Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ тяжелымъ чувствомъ, какое испытываешь при видѣ скорби человѣка, приближающагося къ старости. Слезы, текущія изъ впалыхъ глазъ его, терзаютъ сердце; надобно быть очевидцемъ такого тяжкаго зрѣлища, и тогда возможно будетъ понять, какое впечатлѣніе производитъ скорбь старца о бѣдѣ своего отечества. Его тревожитъ опасеніе, что едва закрывшіяся политическія раны снова раскроются: каждое біеніе сердца возобновляетъ въ памяти старца тяжкія воспоминанія. Я былъ свидѣтелемъ подобнаго раздирающаго зрѣлища.

Комендантъ Алмейда вмѣстѣ съ своими офицерами явился сперва къ графу Августину Каподистринъ для полученія отъ него приказаній; онъ признавалъ въ немъ главу правленія, потому что графъ Августинъ еще при жизни покойнаго своего брата облеченъ былъ въ званіе полномочнаго наместника. Онъ былъ въ чрезвычайномъ уныніи, но старался быть твердымъ, несмотря на то, на лицѣ его проглядывало господствующее чувство. Съ выраженіемъ прямого достоинства и тономъ полнаго убѣжденія онъ сказалъ офицерамъ, что довѣряетъ ихъ чести и поручаетъ имъ охраненіе тишины и порядка въ городѣ.

На площади Трехъ Адмираловъ стоялъ подъ ружьемъ полубаталіонъ войска; къ нему тѣснились сенаторы и прочія гражданскія должностныя лица. Солдаты съ недовѣрчивою улыбкою слушали рѣчи генерала Жерара, который, верхомъ на лошади, объѣзжалъ ряды ихъ и убѣждалъ сохранить порядокъ, потому что Франція (такъ говорилъ онъ, беретъ отнынѣ Грецію подъ свое особенное покровительство (10).

Когда комендантъ вышелъ отъ графа Августина, то первый, встрѣтившійся ему человѣкъ, былъ князь Караджа, одинъ изъ злѣйшихъ враговъ президента. Голосомъ дрожащимъ отъ злобы, трудно скрываемой, радости, онъ спросилъ: «Такъ это правда? Такъ его нѣтъ болѣе? Онъ точно убитъ? Но... совсѣмъ ли? Точно ли нѣтъ надежды?»

Полковникъ Райко пришелъ въ негодованіе при видѣ человѣка, который въ такую минуту явился какъ бы для того, чтобы издѣваться надъ общою скорбію. Онъ отвернулся отъ него и вскричалъ: «Какая непостижимая наглость! Не понимаю, какъ могутъ нѣкоторые люди являться въ такое время! Полковникъ! что вы не прогоните этого негодяя?»

Такое обращеніе заставило Караджу быстро повернуть назадъ и направить свой путь въ домъ французскаго резидента; въ слѣдъ ему послышался свистъ, а потомъ крики: «Держите его! Смерть злодѣю!...» На этотъ крикъ сбѣжались вооруженные люди, и зная того, къ кому эти слова относились, побѣжали за нимъ. Въ грудь его уже былъ наведенъ пистолетъ, когда архіепископъ, подъ окнами котораго происходила эта сцена, началъ заклинять толпу, чтобы она не совершала убійства, а если онъ виноватъ, то выдала бы его властямъ. Къ этимъ увѣщаніямъ уважаемаго святителя присоединились голоса нѣсколькихъ, случайно находившихся тутъ, благонамѣренныхъ людей, и дѣло обошлось безъ крови, которая иначе вѣроятно была бы пролита, что могло бы подать поводъ къ великимъ бѣдствіямъ: ибо въ эти минуты, при раздраженіи партій, отъ малѣйшей искры надлежало опасаться страшнаго политическаго взрыва. Князя Караджу отвели и заточили въ темницу въ главной караулнѣ.

Предоставивъ генералу Жерару, сколько ему угодно, пропонѣдывать солдатамъ, которые, какъ явно было, отнюдь не убѣждались его доводами (11), комендантъ отправился обозрѣвать по порядку размѣщенные на весь этотъ день по разнымъ мѣстамъ караулы. Пока онъ совершалъ этотъ обзоръ и пока происходило дѣло съ Караджеемъ, молодой Коломудгарті (одинъ изъ адъютантовъ генерала Жерара) указалъ пальцемъ сему послѣднему на Георгія Кандіотти, стоявшаго у окна въ покояхъ умерщвленнаго президента и довольно громко, съ отгѣнкомъ насмѣшливости, произнесъ: «Вонъ тотъ олухъ, который убилъ Константина Мавромихали!» Кандіотти догадался, что рѣчь шла про него. Въ мгновенномъ припадкѣ бѣшенства, онъ схватилъ ружье, прицѣлил-

ся адъютанту въ щеку и конечно убилъ бы его, если бы находившіяся тутъ лица не удержали его. Въ то же время Коломудгарті, для безопасности, былъ уведень въ прихожую сенаторскаго зданія или Герузин. Долго послѣ этого онъ не смѣлъ никуда показываться.

Пока все это происходило, у русскаго резидента Рикмана собрались резиденты англійскій и французскій. Къ нимъ явился подполковникъ Пелліонъ, начальникъ штаба строевыхъ войскъ, и когда они допустили его къ себѣ, онъ объявилъ имъ отъ имени своего генерала (Жерара): «Такъ какъ съ кончиною президента нѣтъ болѣе правительства, то онъ, Жераръ, полагаетъ, что отнынѣ Греція поступила подъ защиту покровительствующихъ державъ, резиденты копѣхъ, въ виду настоящихъ критическихъ обстоятельствъ страны, конечно, примутъ на себя управленіе отъ имени своихъ государей. Поэтому, онъ Жераръ обращается за приказаніями къ нимъ, резидентамъ, какъ къ единственной признаваемой имъ въ эти минуты власти, и проситъ ихъ облечь его званіемъ главнокомандующаго войсками, увѣряя притомъ въ своей искренней преданности эллинскому дѣлу и пр.» Въ первую минуту, мнѣнія резидентовъ раздѣлились; но по зрѣломъ обсужденіи, они отвѣчали, что нѣсколько не намѣрены вмѣшиваться во внутреннее управленіе строною. Пелліонъ немедленно ушелъ назадъ объявить о таковой неудачѣ своему генералу. Разсчеты Жерара въ этотъ день вообще не отличались вѣрностью. Какъ онъ ни хитрялъ, но ему не довелось захватить въ свои руки исполнительную власть, отъ коей ожидалъ онъ себѣ великаго значенія. Онъ долженъ былъ самымъ дѣломъ удостовѣриться, что, какъ ни заискивалъ онъ общественнаго расположенія, но оно было не на его сторонѣ.

Французскій резидентъ, баронъ Руень, узнавъ о заточеніи сердечнаго друга своего князя Караджи, поручилъ Пелліону освободить его. Одинъ изъ адъютантовъ доложилъ коменданту, что начальникъ главнаго штаба неотступно требуетъ отъ караульнаго офицера, чтобы тотъ выпустилъ Караджу, и грозитъ, что ему достанется, если онъ не исполнитъ этого требованія. Комендантъ самъ пошелъ въ караульную, и Пелліонъ потребовалъ отъ него *именемъ Французскаго короля и по приказанію господина барона Руена* (это были точныя слова) отпустить узника. Комендантъ извнялся тѣмъ, что Караджу взяли не по его приказу, что ему не извѣстно, почему онъ задержанъ, и что слѣдов. онъ не могъ выпустить его иначе, какъ по высшему распоряженію. Это распоряженіе немедленно состоялось, и Караджа выданъ Пелліону, который благополучно препроводилъ его въ домъ французскаго резидента.

Только-что комендантъ возвратился на адмиральскую площадь, какъ его позвали къ себѣ французскій и англійскій резиденты, выходившіе изъ дома русскаго резидента, у котораго, какъ мы видѣли, происходило совѣщаніе. Они просили коменданта распорядиться такъ, чтобы имъ имѣть свободное сообщеніе съ ихъ военными кораблями, находившимися въ пристани. Комендантъ приказалъ подполковнику Райкѣ взять роту, стоящую подъ сводомъ дворца, идти къ батарее Пяти Братьевъ и оттуда пропустить господъ резидентовъ къ ихъ судамъ. Райко просилъ резидентовъ употребить на посылки собственныхъ служителей или людей, принадлежащихъ къ ихъ миссіямъ, такъ какъ иначе, покаместъ злодѣи еще не захвачены, можетъ случиться, что кто-нибудь изъ нихъ можетъ воспользоваться льготою, дарованною резидентамъ и, предложивъ свои

услуги для посылокъ, успѣетъ спасти бѣгствомъ. «Въ такомъ случаѣ—говорилъ Райко—на меня падетъ тяжкая отвѣтственность, и вы сами можете подвергнуться опасности неприятныхъ подозрѣній».... «Милостивый государь,—перервалъ его резидентъ Руень,—и такъ вы вздумали предъявлять намъ условія? Знайте же, что мы все не намѣрены терпѣть, чтобы кто-нибудь намъ предписывалъ законы, и если вы не хотите оставить вашихъ придирокъ, то мы тотчасъ покинемъ городъ....»—«Да, прибавилъ англійскій резидентъ Довкинсъ, мы покинемъ городъ!»

Подполковника Алмейду, человѣка прямого, но рѣзкаго, какъ большею частію бывають Португальцы, взорвало это объясненіе.—«Если вамъ угодно покинуть городъ, сказалъ онъ резидентамъ, никто не властенъ вамъ воспрепятствовать въ этомъ; по меня удивляетъ, отчего замѣчаніе подполковника Райки, столь благоразумное, могло до такой степени васъ прогнѣвить. Никто не въ правѣ ограничивать законныя мѣры предосторожности, и всякій честный офицеръ долженъ блюсти за исполненіемъ оныхъ.»

Пробывъ на батарею Пяти Братьевъ, подполковникъ Райко разставилъ часовыхъ, учредилъ дозоры и распорядился такъ, чтобы черезъ каждыя десять минутъ знать о томъ, что дѣлается на этой сторонѣ города черезъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, постоянно ходившихъ туда и возвращавшихся оттуда. Не прошло четверти часа, какъ чиновникъ, поставленный у водоѣма противъ домовъ Руена и Валліано, подозвалъ къ себѣ капрала и передалъ ему, что сквозь рѣшетчатые ставни обоихъ этихъ домовъ ему показалось, что тамъ происходитъ что-то подозрительное. Увѣдомленный о томъ, подполковникъ Райко послалъ приказаніе офи-

церу, находившемуся съ особымъ отрядомъ на высотѣ Ичь-Калѣ (откуда эти дома видны были какъ на ладони) чтобы онъ слѣдилъ зоркимъ окомъ, что тамъ дѣлается, и допесъ ему. Донесеніе не замедлилось. По словамъ офицера, изъ одного дома въ другой, взадъ и впередъ, украдкой пробирались какіе-то люди, оглядывались кругомъ и видимо опасались быть замѣченными. Кромѣ того по саду проходилъ кто-то въ женской одеждѣ, но по росту, ухваткамъ и шагу очевидно не женщина. Райко, передававшій обо всемъ что было коменданту, совѣтовался съ нимъ, какъ бы развѣдать эту тайну; но по зрѣломъ обсужденіи рѣшено было ограничиться наблюденіемъ, ибо малѣйшая огласка могла безъ сомнѣнія взволновать весь городъ.

Все это происходило между 6 и 8 часами утра. Еще не извѣстно было, гдѣ убійцы, и уже гораздо позже, вѣроятно по нескромности офицеровъ, приходившихъ къ коменданту съ батареи Пяти Братевъ съ донесеніями о томъ, что тамъ дѣлается, распространился по городу слухъ, что убійцы нашли себѣ убѣжище въ домѣ французскаго резидента.

Въ 10 часовъ баронъ Руенъ призвалъ къ себѣ г. Аксіотти, гражданскаго губернатора Навплин, объявляя ему, что убійцы находятся у него, и требовалъ избавить его отъ ихъ присутствія. Губернаторъ не рѣшался дѣлать отъ себя никакихъ распоряженій, покаместъ сенатъ нарядилъ для управленія страной комиссію изъ трехъ членовъ, а именно: графа Августина Каподистрии, въ качествѣ председателя, Колокотрони (12) и Колетти. Губернаторъ немедленно принялъ отъ нихъ приказанія и черезъ нѣсколько минутъ (это было въ два часа съ половиною) комендантъ съ сильнымъ отрядомъ пошелъ въ домъ французскаго резидента, чтобы

принять тѣхъ людей, которые объявлены виновными въ убійствѣ. Надлежало думать, что ихъ выдадутъ немедленно, такъ какъ самъ резидентъ просилъ взять ихъ. Но видно, что г. Руенъ обратился къ губернатору съ этою просьбою сгоряча, увлекшись весьма естественнымъ чувствомъ отвращенія къ убійцамъ. Когда комендантъ явился къ нему, онъ былъ очень смущенъ, путался въ словахъ, старался оттянуть дѣло и очевидно самъ не зналъ хорошенько, какъ ему быть. Сначала онъ спрашивалъ письменнаго приказа. Когда ему принесли его, онъ сталъ зампнаться и сказалъ, что «Мавромпихали объявлялъ ему, что никакая человеческая сила не извлечетъ его отсюда, развѣ разнимутъ по частямъ его тѣло; что онъ заявляетъ право свое не объявлять о своихъ поступкахъ никому кромѣ народнаго собранія, которое одно властно судить его за преступленіе, въ коемъ его обвиняютъ; что, какъ скоро это собраніе соберется, онъ предстанетъ предъ него, но что теперь онъ вызываетъ къ праву народному, что онъ прибѣгъ подъ защиту его и надѣется пользоваться безопасностью и покровительствомъ, находясь у резидента славной націи, который долженъ и умѣетъ внушить уваженіе къ себѣ лично и къ государю, коего онъ представитель, и потому не допуститъ, чтобы онъ былъ преданъ злобѣ и мщенію враговъ» и пр.

Передавая эти отзывы Георгія Мавромпихали или тѣ слова, которыя онъ будто говорилъ, Руенъ старался увѣрить, что онъ вовсе не думаетъ отстранять отъ него руку правосудія, но боится теперешняго раздраженія народа, который можетъ поступить съ нимъ какъ съ его дядею Константиномъ, что впрочемъ съ своей стороны онъ считаетъ требованіе его быть судимымъ выборными изъ народа весьма разсудитель-

нымъ, такъ какъ имъ собственно принадлежить право рѣшенія въ столь важномъ случаѣ. Послѣ этихъ словъ Руенъ пригласилъ коменданта сойдти въ нижній ярусъ, гдѣ находился Мавромихали.

Когда вошли въ комнату, Мавромихали лежалъ небрежно развалившись на богатомъ диванѣ, а два его сообщника въ почтительномъ отдаленіи сидѣли на обыкновенномъ коврѣ. Увидавъ коменданта, они встали, а Мавромихали принялся размахивать руками и съ важностью излагать почти то же самое, что уже было слышано. Онъ какъ будто заранѣе выучилъ наизусть что ему говорить. Такъ какъ все это ни къ чему не вело, то полковникъ Адмейда рѣшился уйдти. Онъ уже былъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома, когда его опять позвали. Резидентъ предложилъ ему арестовать, если ему угодно, двоихъ, именно: *Яни Караянни и Андрея Патриноса*. Немедленно они были взяты и отведены въ Бурджи, небольшое укрѣпленіе на скалѣ въ серединѣ Навплийскаго порта. Когда ихъ провожали, народъ выражалъ удивленіе, не видя съ ними Георгія Мавромихали. Слышался ропотъ противъ французскаго резидента: говорили, что онъ держитъ убійцъ подъ своимъ покровительствомъ. Нашлись смѣльчаки, кричавшіе, что, во что бы ни стало, нужно взять Мавромихали, и кругомъ дома, гдѣ жилъ баронъ Руенъ, уже бродили вооруженные люди, на лицахъ которыхъ было написано, что они замышляютъ что-то недоброе.

Предувѣдомленный о признакахъ волненія, губернаторъ самъ пошелъ извѣстить о томъ барона и умолялъ его не упрямиться долѣе и не держать у себя Мавромихали, такъ какъ явно было, что народъ начинаетъ тревожиться. «Если виновный не будетъ преданъ въ руки властей, говорилъ

онъ, то я не отвѣчаю за нынѣшнюю ночь. Подполковникъ Пелліонъ и другія лица французскаго происхожденія, страннымъ образомъ забывавшіе въ этотъ день, что они находятся въ греческой службѣ, обращали въ шутку страшливыя рѣчи губернатора. Сей послѣдній стоялъ возлѣ полуотвореннаго балкона и замѣтилъ, что кто-то стоитъ напротивъ, у самаго водоема. «Что тебѣ нужно?» спросилъ онъ его. — «Отдадутъ намъ его? — крикнулъ тотъ во все горло, — не то мы начнемъ!» Такимъ образомъ было не до шутокъ. Баронъ Руенъ сдѣлался сговорчивѣе и общался выдать Мавромихали, подъ условіемъ, что когда поведутъ его въ темницу, ему не будетъ нанесено никакого оскорбленія.

Прибывъ вторично къ дому французскаго резидента, комендантъ дождался на улицѣ, пока выведутъ убійцу. Двери были растворены, и никто не появлялся. Тогда онъ послалъ адъютанта доложить о своемъ приходѣ. Когда сей послѣдній проходилъ мимо отворенной комнаты, гдѣ былъ Мавромихали, то замѣтилъ, какъ онъ шепталъ что-то на ухо одному изъ штабныхъ офицеровъ генерала Жерара. Черезъ нѣсколько времени, подполковникъ Пелліонъ, сошелъ внизъ, можно сказать, выволокъ Мавромихали изъ его комнаты и толкнулъ его, такъ что онъ очутился среди конвоя. На лицѣ его была смертная блѣдность; онъ дрожалъ какъ листъ, упирался и дернулся было въ ту сторону, гдѣ былъ входъ въ верхній этажъ и гдѣ находился резидентъ съ своими чиновниками; но Пелліонъ не пустилъ его, причемъ онъ судорожно хватался за его руку. Окруженный конвоемъ, онъ приведенъ былъ къ тому мѣсту, откуда надлежало переправить его въ Бурджи. Во время этой переправы, Пелліонъ то старался успокоить его, то увѣрялъ солдатъ своею честью, что Мав-

ромыхали не виноваты. По прибытіи въ Бурджи, они распрощались съ взаимною нѣжностью и поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ!! Была уже ночь. Такъ кончился этотъ роковой день.

Тѣло убійцы Константина Мавромихали, истерзанное народомъ, который волочилъ его по улицамъ, было лишено погребенія. Его бросили въ море.

На другой день, еще до разсвѣта, три арестанта, для большей надежности, были перевезены изъ Бурджи въ Маламеди. Французскій резидентъ и тутъ являлся. Невозможно описать всѣхъ каварзъ, которыя были пущены въ ходъ передъ начатіемъ суда. Всячески хотѣлось протянуть время; но тѣмъ не менѣе арестанты были судимы военнымъ совѣтомъ въ Пчь-Кале. Судъ происходилъ подъ открытымъ небомъ, чтобы всякій могъ безъ затрудненія на немъ присутствовать. Послѣ обыкновенныхъ совѣщаній, состоялся слѣдующій приговоръ:

1. *Георгій* Мавромихали, изобличенный въ преднамѣренномъ убійствѣ графа Іоанна Каподистриі, президента Греціи, осуждается на смерть.

2. *Яни Караяни*, изобличенный въ преднамѣренномъ убійствѣ президента Греціи, осуждается на смерть.

3. *Андрей Пятриносъ*, изобличенный въ соучастіи убійствѣ, но не преднамѣренно, — на 10 лѣтнюю каторжную работу.

На другой день послѣ того, какъ состоялся этотъ приговоръ, необозримая толпа собралась у скалъ Маламеди и въ туномъ молчаніи ожидала минуты, когда совершится народная месть. Местъ эта должна была постигнуть одного Мавромихали, такъ какъ Караяни обѣщался сообщить нѣкоторыя показанія, и исполненіе надъ нимъ приговора было отсрочено.

Ровно въ десять часовъ на вершинѣ Парусскій архивъ 1869.

ламеди показался Мавромихали. При немъ были священникъ и стража. Ропотъ негодованія послышался въ толпѣ, когда онъ появился. Въ цѣпяхъ, онъ медленно сходилъ по крутой лѣстницѣ, и потому всякій могъ вдоволь разсмотрѣть его. Справедливость требуетъ замѣтить, что если онъ обнаружилъ робость въ то время, какъ его брали, то теперь, идучи на смерть, онъ держалъ себя бодро. Довольно высокаго роста, онъ былъ весьма красивъ собою. Сверканіе глазъ его было еще выразительнѣе отъ блѣдности, которою покрыто было лицо его. Подошедши ближе къ зрителямъ, онъ снялъ скуфью, поклонился, попросилъ прощенія, но въ отвѣтъ ему раздавался глухой и грозный крикъ: *анаема!*... Крикъ этотъ повторялся при каждомъ его поклонѣ, что не помѣшало ему заявить о своей невинности.

Прибывъ на мѣсто казни, онъ снялъ съ себя поясъ, состоявшій изъ прекрасной шали, цѣною до 1,500 франковъ, и отдалъ его священнику. Завязать себѣ глаза онъ не позволялъ. Онъ произнесъ краткую рѣчь, раскрылъ свою грудь, распростеръ руки, и залпъ изъ мушкетовъ, сопровождаемый послѣднимъ, страшнымъ возгласомъ *анаема*, очистилъ землю отъ гнуснаго злодѣя.

* * *

Такова простая, но достовѣрная исторія этого несчастнаго событія. При разборѣ обстоятельствъ открывается обширное поприще для догадокъ.

Народъ громко выражалъ негодованіе на Французовъ. Ихъ обвиняли громкогласно въ томъ, что они если не сами устроили, то вызвали это преступленіе. Я не хочу думать, чтобы сыны современнаго просвѣщенія лично принимали участіе въ этомъ кровавомъ дѣлѣ, напоминающемъ самыя варварскія времена; однако не менѣе того

вѣрно, что тутъ дѣйствовала необычайная раздражительность, и личные расчеты превозмогли надо всѣмъ остальнымъ.

Положеніе графа Каподистрии было весьма затруднительно въ виду ненадежнаго состоянія Европы и чрезвычайныхъ событій, которыя не давали опомниться, необыкновенно быстро слѣдуя одно за другимъ и повидимому потрясли собою самыя основы правительствъ. Воля его была связана отношеніями къ тремъ покровительствующимъ державамъ, и онъ не могъ дѣйствовать по своему свободному усмотрѣнію. Въ странѣ, которою онъ управлялъ, едва доставало доходовъ, чтобы покрывать двѣ трети неминуемыхъ издержекъ. Онека державъ лишала даже возможности пользоваться всѣми источниками общественнаго богатства. Ему оказывали съ одной стороны скупость, съ другой недовѣрчивость, что самое, въ борьбѣ съ нуждою, порождало ему враговъ, старавшихся заподозрить его въ глазахъ народа и выставить послушнымъ угодиномъ иноземной власти, коей будто онъ все приносилъ въ жертву, руководясь побужденіями личными.

Сначала только осуждались дѣйствія правительства, потомъ начали подговаривать къ ослушанію и даже возмущенію. Нерѣдко употреблялись для того самыя нескромныя средства. То, что въ другое время и въ другихъ мѣстахъ повлекло бы за собою тяжкую отвѣтственность, тутъ и въ это время по необходимости прощалось. Долго было бы излагать всѣ подробности. Приведу одинъ примѣръ, который случайно пришелъ мнѣ на память.

Черезъ нѣсколько дней послѣ гибели фрегата «Гелласъ», сожженного Міаулисомъ, подгулявшіе офицеры французскаго военнаго судна расхаживали по навилійскимъ улицамъ, нѣки взыскательныя нѣсни и

кричали почти подъ самыми окнами президента: «Слава Міаулису! Прочь капоты!» Последнее слово, по созвучію первыхъ слоговъ съ именемъ Каподистрии, служило оскорбительнымъ намекомъ. Мнѣ возразить, можетъ-быть, что отсюда еще далеко до убійства. Я это самъ понимаю; но внимательный читатель конечно согласится, что подобныя, часто повторяемыя, выходки должны были содѣйствовать тому, что произошло тутъ.

Много было людей, не любившихъ графа Каподистрии просто потому, что онъ заслонялъ ихъ собою, благодаря своимъ великимъ способностямъ. Имъ нужно было, во что бы ни стало, избавиться отъ него. Чтобы вѣрнѣе того достигнуть, надлежало воспламенить пылкое воображеніе Грековъ; имъ надлежало внушить, что непригодное для однихъ будетъ вредно и для нихъ самихъ, и что вредное слѣдуетъ разрушить. Наглость дошла до крайности: безъ малѣйшаго стѣсненія открыто говорили, что тотъ, кто убьетъ президента, будетъ истиннымъ героемъ и пріобрѣтетъ право на признательность отечества.

Утверждали, что въ ночь съ 26 на 27 сентября, французскія суда, стоявшія въ навилійской пристани, подвинулись къ городскимъ укрѣпленіямъ и что генералъ Жераръ взоспелъ на батарею Пяти Братьевъ и подалъ сигналъ...

Положимъ, что все это справедливо, но выводимое изъ того заключеніе не довольно положительно и ясно; слишкомъ долго пришлось бы разбирать всю путаницу противорѣчащихъ показаній, записанныхъ въ слѣдствіи. Видно, что слѣдствіе производилось нелѣпнымъ образомъ и съ большими опущеніями, что произошло или отъ неспособности членовъ, или отъ вліянія задней мысли, или отъ боязни навлечь на себя

неудовольствіе тѣхъ, кого не хотѣли оскорбить изъ политическихъ видовъ, и можетъ, всѣ эти причины совокупно сдѣлали то, что слѣдственная коммиссія не достигла прямой своей цѣли и не удовлетворила всеобщаго ожиданія. Еслибы нѣкоторые лица вызваны были къ отвѣту, то показанія ихъ разъяснили бы дѣло и имѣли бы неоспоримую важность, но ихъ пощадили или, лучше сказать, ихъ боялись.

Докладчикъ по уголовнымъ дѣламъ вызывалъ для показаній одного изъ адъютантовъ генерала Жерара, но послѣдній отвѣчалъ очень грознымъ письмомъ и, подъ самыми ничтожными предлогами, удержалъ вызываемаго отъ явки въ судъ. На вызовъ болѣе не настаивали.

Видно однакожъ изъ самаго слѣдствія, что когда Георгій вмѣстѣ съ своими сообщниками спасались бѣгствомъ, то они встрѣтили артиллерійскій баталіонъ, посланный для занятія площади, который преградилъ имъ путь къ батарее Пяти Братьевъ, что тогда бѣглецы старались проскользнуть между солдатъ, для того чтобы пересѣчь улицу и достигнуть своей цѣли. Изъ сего можно заключить, что ихъ прямая и прежде обдуманная цѣль состояла въ томъ, чтобы укрыться въ домѣ французскаго консульства. Еслибы они не знали, что найдутъ тамъ убѣжище, то для чего было бы имъ подвергаться неминуемой опасности и не бѣжать по другому пути, гдѣ они не встрѣтились бы съ солдатами?

Изъ того же слѣдствія видно, что Георгій вмѣстѣ съ своими сообщниками вошелъ въ домъ Валлиано, но когда и какъ перешли они въ домъ барона Руена, о томъ ничего тамъ не сказано. Кажется, что не хотѣли коснуться той струны, хотя необходимо было бы разъяснить послѣднее обстоятельство.

Только въ 10 часовъ утра баронъ Руенъ

объявилъ, что обвиняемые въ убійствѣ находятся у него въ домѣ, и по собственному своему побужденію предложилъ передать ихъ мѣстной власти. Когда же въ половинѣ третьяго явился комендантъ для взятія преступниковъ, то баронъ отказалъ въ выдачѣ Мавромихала, потому что послѣдній просилъ у него убѣжища и отдался подъ его покровительство, и затѣмъ, въ удовлетвореніе требованія, выдалъ двухъ сообщниковъ убійцы. Что же давало право Георгію на такое особенное покровительство? Не то ли, что руки его еще дымились кровію? Къ вечеру, уступая чувству личнаго опасенія, баронъ согласился его выдать. Г. Пеллионъ взялъ подъ руку убійцу, злодѣяніе котораго было ему извѣстно, и старался возбудить состраданіе въ солдатахъ, увѣряя ихъ своею честію въ извѣстной будто ему невинности злодѣя.

Показанія Каломудгарті очень подозрительны; онъ говоритъ, что генераль Жераръ, услышавъ отъ Ангелиса о томъ, что президентъ убитъ, поспѣшилъ вмѣстѣ съ нимъ ко дворцу, но что, проходя мимо дома барона Руена, они услышали шумъ и вошли туда, желая узнать что тамъ происходитъ. Лишь только баронъ увидѣлъ вошедшаго генерала, то вскричалъ: «Что мнѣ дѣлать? Преступники ворвались сюда!» Прежде всего обезоружить ихъ, отвѣчалъ Жераръ, и тогда же приказалъ Каломудгарті отобрать отъ нихъ оружіе. Георгій, передавая ему свои пистолеты, поцѣловалъ то мѣсто, на которомъ остался слѣдъ недавно сдѣланнаго выстрѣла. Не будемъ разбирать показаній часовыхъ, поставленныхъ при водоемѣ и на Ичъ-Кале, такъ какъ по неизвѣстной причинѣ они пропущены въ дѣлѣ; но ясно, что баронъ Руенъ, генераль Жераръ и Пеллионъ знали еще сначала, куда именно скрылись убійцы. От-

чего же баронъ Рүенъ объявилъ о томъ только въ 10 часовъ утра? Отчего г. Жераръ и Пелліонъ, бывшіе на службѣ и на жалованьѣ правительства, хранили такое же молчаніе? Развѣ Пелліонъ не видалъ патетическаго движенія Георгія въ поцѣлѣ убійственнаго оружія—и затѣмъ провозгласилъ преступника невпнымъ? Или, въ порывѣ страстнаго своего удивленія, онъ уже не считалъ этого преступленія преступленіемъ? Такіе поступки не возбуждаютъ ли негодованія? Я бы не кончилъ, еслибы сталъ приводить здѣсь все, что подавало къ тому поводъ, что разсказывали люди, исполнѣ преданные отечеству, гнушавшіеся убійствомъ (13).

Думаю, что здѣсь слѣдуетъ дать свѣдѣніе о характерѣ убійцъ и о томъ, какія причины побудили ихъ къ совершенію такого безчестнаго злодѣянія.

Семейство Мавромихали родомъ изъ Майны (древняя Спарта). Байронъ говоритъ о Майнѣ въ 7 примѣчаніи къ своему Гяуру.

Въ то время когда прочіе Греки стеснялись подъ ярмомъ рабства, Майноты имѣли больше независимости. Обитатели дикой и безплодной страны, они сохранили тотъ воинственный духъ, которому удивляются въ ихъ предкахъ. Ими не управляли турецкіе чиновники: бѣдность служила Майнотамъ оградой отъ хищничества Турокъ, и они думали, что не стоить труда поработать ихъ. Но Майноты по случайному согласію признали за Высокою Портою право утверждать избираемыхъ ими самими старѣйшинъ или бесвъ; члены Дивана пользовались этимъ случаемъ, чтобы взять что-нибудь съ избираемаго и нисколько не заботились о томъ, будутъ ли Майноты уважать выданный имъ фирманъ, или нѣтъ.

Съ нѣкотораго времени званіе бея стало какъ бы принадлежностью семейства Мавро-

михали, и народъ привыкъ уже прилагать къ нему названіе *василеа*; случалось, что возникали и споры противъ такой привилегіи, и вслѣдствіе этого, среди этого буйнаго, необщительнаго и жестокаго племени, начинались междоусобицы. Между враждующими происходили нескончасныя побоища. Жизнь Майнота была постоянной гонимостью за случаемъ убійства. Тяжелыя домашнія работы возложены на женщинъ: онѣ засѣваютъ поля и убираютъ хлѣбъ, личность ихъ почитается неприкосновенною. Воздержанность Майнота по истинѣ изумительна: пищу его составляетъ небольшое количество ячменной муки, лукъ, чеснокъ, маслины, мелокъ, сыръ и мясо соленыхъ куропатокъ; во время перелета этихъ птицъ Майноты запасаются ими въ огромномъ количествѣ. Живутъ они въ башенкахъ, отдѣльно одна отъ другой, но не слишкомъ въ далекомъ разстояніи; на верху башни настантъ ровный помостъ. Верхнее жилье занимаетъ женщина, а нижнее мужчина. Онъ сидитъ тамъ, съ боку у него стоитъ ружье, а въ рукахъ у него мандолина, на которой онъ наигрываетъ пѣсню и смотритъ въ продолжанное въ стѣнѣ отверстіе, подстерегая своего непріятеля, т. е. приверженца противной стороны. Горе неосторожному путнику, который подойдетъ на такое разстояніе, что пуля можетъ попасть въ него: онъ непремѣнно погибнетъ отъ руки своего врага! Положивъ на мѣстѣ прохожаго путника, убійца спокойно беретъ опять свою мандолину и продолжаетъ прерванную пѣсню. Въ условные сроки даже и самыя женщины, не принимающія никакого участія въ раздорахъ мужчинъ, дѣлаютъ другъ другу вызовы, всходятъ на помосты башенъ и начинаютъ метать изъ пращей камнями, что нерѣдко оканчивается смертію которой-нибудь изъ нихъ, потому что онѣ об-

ладають большою ловкостью и рѣдко дѣлають промахи. Въ то время когда у женщинъ идетъ побойще, мужчины соблюдаютъ между собою родъ перемирія, и спокойно смотрятъ на происходящее. Графъ Андрей Метакса, посланный президентомъ въ 1830 году для осмотра Майны, говорилъ, что нашелъ тамъ одного Майнота, который никогда не переступалъ за порогъ своего дома, дню и ночью занимаясь подстереженіемъ и убіеніемъ враждебныхъ ему людей.

Старшая и младшая линія рода Мавромихали давно враждовали между собою, изъ чего слѣдовали взаимныя нападенія другъ на друга, грабежи, убійства, и по обычаю дикарей, свойственному ихъ странѣ, кровавая месть за пролитіе крови. Во время войны за возрожденіе Греціи Майноты не сражались противъ общаго непріятеля, т. е. противъ Турокъ, но постоянно дрались между собою. Старыя вражды не прекращались, но съ того времени, когда въ Греціи возникъ какой-нибудь общественный порядокъ, они уменьшили свою свирѣпость и стали менѣе осторожны, чѣмъ и поспѣшили воспользоваться Константиномъ, братъ Петра бей, и сынъ послѣдняго, Георгій: они напали на одного Мавромихали изъ младшей линіи и нанесли ему многія раны.

Пора частнаго мщенія миновала. Слабая числомъ семья изреченнаго искала покровительства законовъ. Президентъ принялъ отъ нея просьбу и потребовалъ виновныхъ къ отвѣту.

Здѣсь историку предстоятъ большія затрудненія въ случаѣ, если читатель незнакомъ съ мѣстными нравами. Чтобы дать ему о нихъ понятіе, должно войти въ подробности, превышающія объемъ этой статьи. Надобно однако сказать здѣсь, что Греки даже и въ то время, когда были еще подъ турецкимъ владычествомъ, управлялись сво-

ими выборными, которые сами собою составляли родъ внутренней мѣстной аристократіи подъ именемъ коджей, башей и приматовъ и дѣйствительно были во главѣ управления, оставляя турецкому правителю одинъ громкій титулъ и ненавистныя дѣйствія исполнительныя власти. Прощеніе кому-либо или какое снисхожденіе испрашивала всегда также аристократія, вмѣняя исходатайствованіе себѣ въ заслугу и обращая все въ свою пользу, а зло приписывая учрежденной надъ ними власти. Вслѣдствіе такой коварной системы она пріобрѣла большую силу надъ народомъ, и онъ долго еще останется подъ ея вліяніемъ; а до тѣхъ поръ пока оно продолжится, возмущенія не прекратятся противъ власти, основанной на законахъ; послѣдняя будетъ конечно дѣйствовать не согласно съ выгодами людей такого рода.

Учрежденіе судовъ было предметомъ желанія всего народа; но гдѣ было найдти истолкователей закона среди населенія, прозябавшаго подъ игомъ варваровъ? Президентъ принужденъ былъ раздавать мѣста Грекамъ съ Ионическихъ острововъ: они одни вмѣстѣ съ знаніемъ языка имѣли понятіе о порядкѣ судопроизводства. Справедливость заставляетъ сознаться, что соотечественники президента (онъ родился на островѣ Корфу) толпою собирались къ нему въ надеждѣ, что будутъ располагать мѣстами. Враги его воспользовались этимъ и не преминули обвинить его въ томъ, что онъ раздаетъ почетныя мѣста своимъ, и не допускаетъ до нихъ туземцевъ. Надобно вникнуть въ силу тамошнихъ предразсудковъ, чтобы представить себѣ, какое дѣйствіе произвелъ на нихъ вызовъ къ отвѣту сына Петро-бей! Въ судѣ засѣдали ненавистные имъ чужеземцы.

Теперь мнѣ становится еще труднѣе сдѣлать разсказъ мой понятнымъ читателю Европейцу, а между тѣмъ достовѣрно, что

учрежденіе судовъ было главнымъ поводомъ къ неудовольствію, особенно по личному ихъ составу. Греки полагаютъ, что въ судѣ состоитъ законъ, вопреки нашимъ европейскимъ понятіямъ. Мы смотримъ на судей, какъ на истолкователей закона, съ которыми нельзя дѣлать сдѣлки, и какъ на послушныя его орудія; въ Греціи самые основательные поводъ къ вызову на судъ назывались дѣйствіями тиранства. Люди нѣсколько болѣе образованные, казалось, должны были понять, что повиновеніе законамъ необходимо, но какъ скоро оно оказывалось несогласно съ ихъ выгодами, то начинали вторить недовольнымъ, воцѣлять противъ самовластиа и порочать дѣйствія правительства. Замѣтимъ, что и сами чужестранцы (называемые тамъ Европейцами) не отставали отъ участія въ коварныхъ замыслахъ и, какъ только являлся къ тому предлогъ, старались унижать правительство.

Старый бей, членъ Герузіи (Сената), пришелъ въ ярость отъ самовластиа президента, и своими зловредными внушеніями началъ подстрекать другихъ. Сторонники его, посланные имъ въ Майну, собрали тамъ вооруженную шайку; намѣреваясь лично предводительствовать ею, Петро-бей тайно оставилъ Навплию и отправился въ Лимекскую гавань, на кораблѣ, предоставленномъ въ его распоряженіе Англичаниномъ Гордономъ. Буря заставила бея бросить якорь при Армиро, что въ Кадамитскомъ заливѣ; мѣстное начальство, извѣщенное о враждебныхъ его замыслахъ, задержало его и возвратило въ Навплию, гдѣ онъ посаженъ былъ въ крѣпость Ичь-Кале, что опять называли тиранствомъ.

Въ то время, когда Петро-бей Мавромпхали сидѣлъ въ крѣпости за политическое преступленіе, а его сынъ и братъ по уголовному дѣлу, во многихъ мѣстахъ произошли

возстанія. Изъ этого можно заключать, что неудовольствіе было всеобщее, но это будетъ ошибочно; говоря о Грекахъ, мы разумѣемъ подъ этимъ именемъ мирныхъ жителей, земледѣльцевъ, ремесленниковъ и торговыхъ людей, а затѣмъ разнородный сбродъ, готовый къ переворотамъ. Въ немъ конечно есть и природныя Греки, но болѣшую часть составляютъ Греки, выѣзжіе изъ Европы, разсѣянные по всему пространству земли, и чуждые здѣшнему эллинскому семейству. Многие изъ послѣднихъ, отличавшіеся дурными свойствами, стояли подъ знаменами возрожденія Греціи; но ими не руководили такія высокія чувства. Занимая попеременно разныя должности, они приходили и уходили, какъ имъ вздумалось; но едва только Греція получила надежду на лучшую будущность, они снова налетѣли на нее подобно стаѣ хищныхъ птицъ; каждый изъ нихъ объявлялъ свои права на признательность народа и старался увѣрить, что отечество ему одному обязано своимъ спасеніемъ. Скажемъ здѣсь о чрезвычайной несоразмѣрности требованій просителей и тѣхъ способовъ, какіе имѣлъ президентъ для ихъ удовлетворенія; стоить только припомнить, что онъ раздѣлилъ Грецію на 10 или 11 префектуръ, *eclatos*, или епитрошіи, а кандидатовъ на эти мѣста значилось по росписи 600 человекъ. Если сообразимъ, что на второстепенныя должности было почти такое же число искателей, то понятно, въ какомъ затрудненіи находилось правительство, чтобы удовлетворить эту толпу людей, которые старались поставить себя на видъ, для *полученія мѣста*. Вотъ ключъ къ раскрытію причинъ безпрестанныхъ возмущеній, и онѣ перестанутъ удивлять насъ, если прибавимъ, что въ Греціи было тогда слишкомъ 10,000 не регулярнаго сухопутнаго и морскаго войска, которое плохо получало жалованье и нахо-

дилось подъ распоряженіемъ ненасытныхъ корыстолюбцевъ, имѣвшихъ въ виду свои личныя выгоды. Къ этому времени, столь обильному потрясеніямъ, присоедините денежныя затрудненія, что понятно въ странѣ, гдѣ еще не установился порядокъ. Частыя промедленія Лондонской конференціи, отъ которой зависѣла участь Греціи, противоположность выгодъ покровительствующихъ державъ, и пр. дасть понятіе, хотя все еще не полное, о томъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находился президентъ и что было причиною возмущеній.

Уступая мнѣнію своихъ совѣтниковъ, что лучшимъ средствомъ къ умиротворенію страны и къ привлеченію умовъ будетъ пощада семейства Мавромихали, столь сильнаго на родинѣ, президентъ назначилъ дядѣ и племяннику мѣстомъ заключенія стѣну крѣпости. Здѣсь имъ дозволено было свободно прохаживаться подъ надзоромъ двухъ полицейскихъ стражей; имена послѣднихъ были: Яни Караяни и Андрей Партиносъ; они прежде служили въ домѣ Мавромихали, а потомъ случайно, а можетъ-быть и съ умысломъ, поступили въ полицію.

Люди, которые старались о разрушеніи учрежденнаго порядка, овладѣли обоими Мавромихали, уже запятнавшими себя не однимъ преступленіемъ, и слѣдовательно способными совершить новое. Они-то подстрекнули ихъ на убійство, превращая злодѣяніе въ подвигъ. Эта идея принята была тѣмъ охотнѣе, чѣмъ болѣе правленіе Каподистрии было противно людямъ такихъ свойствъ какъ Мавромихали. Ненависть послѣднихъ къ президенту была усиливается первыми, и они особенно сошлись между собою потому, что и тѣ и другіе были личными врагами президента и не переставали возставлять противъ него всѣхъ, кто только имѣлъ какое-нибудь вліяніе въ Греціи.

П Р И М Ѣ Ч А Н І Я.

1. Для полнѣйшаго уразумѣнія этого повѣствованія читателю необходимо имѣть планъ Навплии или хорошо запомнить ея топографическое описаніе.

На скалѣ, высотой въ 750 футовъ, построена крѣпость Паламиди. Ниже простирается долина овальной формы. Отъ крѣпости она отдѣляется рвомъ, и склоняясь отъ востока на западъ оканчивается мысомъ, гдѣ находится пристань. Съ юга долина омывается моремъ, а на сѣверной сторонѣ застроена домами, поднимающимися вверхъ, по горѣ, и стоящими почти въ ровень съ стѣною крѣпости. Археологи утверждаютъ, что на этой возвышенной плоскости существовала древняя Навплия. Съ теченіемъ времени наносные пески образовали, у подошвы скалы, равнину, гдѣ явился дома и образовался городъ. Вепециане, во время владычества своего надъ Мореею, заботились объ укрѣпленіи Навплии, воздвигли крѣпость Паламиди и стѣну, извѣстную нынѣ подъ именемъ Ичь-Кале.

Городъ можно раздѣлить на три части: первая находится въ оградѣ стѣны Ичь-Кале; остальная, растянутая по ровной плоскости, раздѣляется на-двое плотною стѣною, параллельно противъ Ичь-Кале, Пентадельфія, имя данное потому, что здѣсь нѣкогда стояли пять пушекъ, огромнаго размѣра; эта часть города оканчивается на лѣвой сторонѣ бастиона, стоящаго на твердой землѣ; отъ него идетъ люнетъ (полумѣсяцъ) вдающийся въ море; съ правой стороны бастиона находится на протяженіи 70 саженьъ четвероугольное пространство и оканчивается мостомъ, который построенъ у подошвы крѣпости и ея ограды, Ичь-Кале. Это пространство

съ сухаго пути есть единственная точка для защиты города, равно какъ и для нападенія. Крѣпостной мостъ служить единственнымъ выходомъ изъ города на твердую землю. Съ одной стороны ограждаетъ его батарея въ три уступа (Ичь-Кале), съ другой люнетъ батареи, что на твердой землѣ и другой на оконечности, вдающейся въ море. Послѣдній бастионъ влѣво отъ перваго устроенъ такъ хорошо, что съ него удобно производить перекрестный огонь. Вторая часть города поднимается вверхъ до стѣны, ограждающей крѣпости, также отъ подошвы Ичь-Кале. Третья—отъ стѣны до набережной и составляетъ поморское предмѣстье. Войдя въ Навплию съ сухаго пути, проходишь по узкой и грязной улицѣ, слѣдуя вдоль изгибовъ Ичь-Кале, и приходишь къ батарее Пяти Братьевъ. На этой улицѣ стоитъ церковь св. Спиридона; входная дверь ея обращена къ переулку, поднимающемуся въ верхнюю часть города.

Не должно воображать, что наружный видъ этой церкви походить на видъ церквей въ другихъ мѣстностяхъ. Это мрачный, прямоугольный сарай, а входная, сбоку пробитая, дверь не шире двери въ домъ какого-нибудь частнаго человѣка. Къ церковной стѣнѣ прислонены дома.

Съ той стороны, гдѣ находится батарея Пяти Братьевъ, море омываетъ стѣну, раздѣляющую городъ на двѣ части. Поморское предмѣстіе начинается въ порядочномъ отъ нея разстояніи съ восточной стороны. Батарея Пяти Братьевъ имѣетъ пристань и деревянный молъ (или брусьяную стѣну) для огражденія судовъ всякаго рода. Входъ туда бываетъ открытъ только въ случаѣ потребности.

Идучи назадъ отъ батареи, видишь казенный домъ, выстроенный особнякомъ,

который занималъ, вмѣстѣ съ своимъ штабомъ, генералъ Жераръ, начальствовавшій надъ регулярными войсками. Французскій резидентъ, баронъ Руенъ, жилъ въ домѣ г. Трикупи, ближе къ морю. Отъ этого дома, отдѣленный только садомъ, стоялъ домъ г. Валліано, майора инженернаго баталіона. По верху упомянутой стѣны выстлана дорожка (тротуаръ) вровень съ окнами нижняго жилья Руена и Валліано. Но между этими домами и стѣною пролегаетъ улица, шириною въ 3 или 4 сажени. Дорожка по ребру стѣны ведетъ къ цистернѣ, устроенной противъ угла дома г. Валліано.

Самыя замѣчательныя мѣста въ городѣ (т. е. тѣ, о которыхъ мы говоримъ въ нашемъ повѣствованіи) суть, во-первыхъ, вышеозначенныя; затѣмъ, идучи далѣе, и поднимаясь вверхъ, приходишь на площадь Яворовъ, или на войсковую площадь. На послѣдней самое замѣчательное зданіе представляютъ казармы, съ воротами подъ сводомъ, въ боковыхъ стѣнахъ которыхъ подѣланы комнаты для виновныхъ въ нарушеніи военнаго устава; далѣе находится военное училище; затѣмъ, пройдя еще одни ворота со сводами, видишь небольшой дворецъ, или просто домъ, графа Каподистріи,—зданіе, гдѣ помѣщается герузія, жилище русскаго резидента, барона Ривмана, и другіе.

2. Европейскіе читатели, свыкшіеся съ обычаями своей страны, конечно, станутъ удивляться, что литургія совершается здѣсь такъ рано. Надобно сказать, что Греки, во избѣжаніе столкновеній съ Турками, старались совершать божественную службу прежде, нежели тѣ поднимутся на ноги.

3. Президентъ не любилъ репрезентаций; онъ едва допускалъ служившаго у

него Албанца сопровождать себя, и если кто либо изъ слугъ присоединялся къ послѣднему, то это было вовсе не по приказанію президента, а часто даже и на-противъ того. Каждый день, въ опредѣ- ленный часъ, президентъ, въ штатскомъ платьѣ, съ палкою въ рукахъ, отправлял- ся на прогулку одинъ и ходилъ часъ или два, свободнымъ и легкимъ шагомъ. Онъ не очень любилъ Георгія Кандіотти, ко- торый лишился правой руки, сражаясь за отечество.

4. Президентъ, сообразно теченію дѣлъ, бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ получилъ благопріятныя вѣсти изъ Лондона, и сверхъ того я знаю изъ вѣр- наго источника, что глава недовольныхъ въ Идрѣ, Кандуріотти, препроводилъ къ нему письмо, съ изъявленіемъ своей го- товности покориться, присовокупляя толь- ко просьбу пощадить его самолюбіе.

5. Греческая артиллерія устроена была по образцу французской. Войско дѣлилось на баталіоны (въ то время былъ только одинъ), баталіонъ—на роты. Артиллери- сты были вооружены такими же ружьями, какъ и пѣхотинцы.

6. Президенту сдѣланы были многіе допросы, но онъ не хотѣлъ имъ вѣрить, особливо тому, чтобы кто-либо рѣшился покуситься на его жизнь тамъ, гдѣ соб- ственная жизнь убійцы подверглась бы неминуемой опасности. Онъ говорилъ, что на такое покушеніе скорѣе могли рѣ- шиться въ его кабинетѣ, откуда убій- цѣ удобнѣе было бѣжать, прежде не-жели узнали бы о случившемся. Многимъ, убѣждавшимъ президента принять мѣры предосторожности, онъ отвѣчалъ съ ус- мѣшкою: «Можно ли имѣть такъ мало здравого смысла, чтобы вздумать убить меня на улицѣ? Вы знаете, да это п всѣмъ

пзвѣстно, что доступъ ко мнѣ свободенъ всякому, что мои служители сидятъ въ третьей или четвертой комнатѣ отъ моего кабинета, гдѣ я занимаюсь дѣлами и гдѣ принимаю. Можетъ-быть, вы предполагаете, что ко мнѣ войдетъ такой же широкопле- чій человѣкъ, какъ полковникъ Райко, подхватить меня руками, задушить, по- томъ тихо опустить на кресло и уснѣтъ выйдти, прежде нежели другіе хватятся, что я отдалъ Богу душу.»

7. Пистолеты заговорщиковъ заряжены были отличнымъ англійскимъ порохомъ и двумя пулями, связанными проволокою.

8. Съ нѣкотораго времени оба Мавро- михали стали часто ходить въ церковь. Въ день убійства, предъ началомъ литур- гіи, они подошли къ образу, *поставили свѣчи* и усердно помолились, а потомъ приблизились къ дверямъ.

9. Тѣло Константина Мавромихали до того было обезображено, что нельзя было узнать съ перваго взгляда; его даже при- няли сначала за Турка.

10. Солдаты легко смѣтили, чего хотѣ- лось генералу Жерару: ему хотѣлось при- своить себѣ главное начальство надъ во- енною силою. Они знали, что уже за нѣсколько времени передъ тѣмъ согласія не было между президентомъ и гене- раломъ; они понимали, что смерть перва- го не возмущаетъ послѣдняго и что вслѣдствіе того онъ не будетъ въ насто- ящую минуту дѣйствовать какъ бы слѣ- довало, а потому и отвѣчали ему такъ рѣзко. Замѣчательно то, что генераль, ста- раясь склонить войско на свою сторону, обратился напередъ къ своему любимому полку, носившему названіе типическаго, или образцоваго, которому онъ позволилъ носить національную одежду и спросилъ нѣкоторыхъ привилегій, что возбудило не-

удовольствіе въ другихъ; но и этотъ самый полкъ не измѣнилъ долгу и такимъ образомъ разстроилъ планы Жерара.

11. Онъ испробовалъ всѣ возможные способы для привлеченія на свою сторону солдатъ и офицеровъ, но никто не хотѣлъ его слушать. Пробыли въ барабаны, и затѣмъ войско могло принимать приказанія только отъ высшаго, любимаго ими начальника, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ. Въ числѣ многихъ средствъ, употребленныхъ Жераромъ для пріобрѣтенія власти, расскажемъ слѣдующее: подъ благовиднымъ предлогомъ, что войску слѣдуетъ заявить предъ всѣмъ народомъ, что оно готово подчиниться рѣшеніямъ правительственной комиссіи, онъ вздумалъ идти во главѣ его къ дому собранія. Безъ всякаго отношенія къ коменданту, онъ послалъ приказаніе всѣмъ офицерамъ собраться въ такой-то часъ и въ такомъ-то мѣстѣ. Не сомнѣваясь въ исполненіи послѣднимъ его приказа, генералъ пошелъ на сборное мѣсто, но посланные возвратились съ отвѣтомъ, что войско стоитъ подъ ружьемъ, офицеры при своихъ мѣстахъ, но что они не двинутся съ мѣста безъ распоряженія полковника Алмейды. Послѣ такого извѣщенія генералъ долженъ былъ возвратиться и послать отношеніе къ коменданту, послѣ чего офицеры по первому назначенію явились. Полковникъ, занятый другими дѣлами, особенно же взятіемъ подъ стражу Георгія, не участвовалъ въ этомъ посѣщеніи, графъ Августинъ тоже. Г. Колетти принялъ генерала и его штабъ-офицеровъ, и послѣдній предлагалъ, чтобы правительственная комиссія для отъѣзды ихъ вручила ему надлежащую власть, но тогда одинъ изъ офицеровъ сдѣлалъ противъ этого сильное и рѣзкое возраженіе, и генералъ, видя, что

мнѣніе не склоняется въ его пользу, оставилъ свои попытки и нѣсколько дней не показывался въ обществѣ. Неудовольствіе солдатъ противъ Жерара было такъ сильно, что со дня убіенія президента тотъ, когда ему прислали отставку, и рядовые и бывшіе на часахъ, упорно отказывались отдавать ему честь, какъ главноначальствующему. Выговоры и даже наказанія не дѣйствовали: они притворялись, что не видали его, когда онъ проходилъ мимо нихъ.

12. Колокотрони выбранъ былъ заочно: 27 сентября онъ находился въ Корнеенѣ.

13. Мы говорили уже о сношеніяхъ должностныхъ лицъ, о томъ, что баронъ Руенъ объявилъ только въ 10 часовъ утра, что преступники находятся у него въ домѣ. Приведемъ показанія свидѣтелей и просимъ читателей обратить на нихъ вниманіе. Первое показаніе лейтенанта Каломудгарти, адъютанта генерала Жерара:

«При первомъ извѣстіи о печальномъ событіи, генералъ Жераръ быстрымъ шагомъ пошелъ къ площади Трехъ Адмираловъ; но, услышавъ необычайный шумъ въ домѣ, занимаемомъ французскимъ консульствомъ, постучался въ двери,» и пр. Замѣчу, что дорога, по которой надобно было идти генералу, шла совсѣмъ не мимо этого дома; она пролегала позади каменной стѣны, отдѣляющей домъ, такъ что за этой стѣной невозможно было слышать что бы тамъ ни происходило и какъ бы тамъ ни шумѣли. Къ тому же послушные и покорные имъ люди, отдавшіе по первому требованію свое оружіе, не стали бы громко шумѣть.

Второе показаніе сдѣлано баталіоннымъ командиромъ Валліано и еще однимъ лицомъ, проживавшимъ у него въ домѣ:

«Въ воскресенье, 27 сентября, пріятель

тель Г. Валліано выходилъ изъ его дома и встрѣтилъ на лѣстницѣ Георгія Мавромихали, на лицѣ коего видны были испугъ и свирѣлость. Георгій сказалъ ему, чтобы онъ воротился назадъ, что у воротъ поставленъ часовой, которому велѣно стрѣлять въ каждого, кто къ нему приблизится. Послѣ того онъ бросился въ комнату Валліано, лежавшаго еще въ постелѣ съ своей женой, и сказалъ ему: «Мы ушли. Куски и осколки.» Послѣ, на судѣ онъ постоянно отпирался отъ участія въ заговорѣ и возлагалъ всю вину на дядю; утверждалъ, что не говорилъ: «Мы ушли», а сказалъ: «ушли,» что на греческомъ языкѣ имѣетъ двойной смыслъ. Да кого же вы на куски изрубили?—спросилъ у него Валліано, и узнавъ, что дѣло шло о президентѣ, не могъ удержаться и вскрикнулъ отъ ужаса. «Замолчи!» сказалъ Мавромихали, приставивъ къ груди его пистолетъ. «Если ты скажешь громко хотя одно слово, то я убью тебя.» Удостоверившись, что нечего опасаться жильцовъ Валліано, Георгій и его сообщники заставили входную дверь, завалили подушками и матрасами окна, затворили ставни, и въ ожиданіи нападенія приготовились къ оборонѣ. Валліано набросилъ шаль на плеча своей жены и снѣшилъ уйдти въ домъ французскаго консульства.

Когда и какимъ образомъ убійцы перешли въ домъ Руена — о томъ нѣтъ ни одного слова въ слѣдственномъ дѣлѣ.

При разсмотрѣніи этихъ показаній и подробностей, относящихся къ самому дѣлу, выясняются слѣдующія событія:

Во-первыхъ, явное противорѣчіе между показаніями Коломудгарті и Валліано. Показаніе послѣдняго, согласовавшееся съ показаніями должностныхъ лицъ, есть формальное опроверженіе показаній перваго; очевидно, что потребно было время для

перехода изъ дома Валліано въ домъ французскаго консульства, слѣдовательно генераль Жераръ при первомъ своемъ выходѣ никакъ не могъ видѣть убійцъ и взять отъ нихъ оружіе.

Во-вторыхъ, что баронъ Руенъ не былъ застигнутъ убійцами врасплохъ, но принялъ ихъ въ приготовленное для нихъ убѣжище. Повторяю это потому, что все заставляетъ думать, что убійцы имѣли цѣлю добраться до дома французскаго консульства, и что ежели они сначала и скрылись въ домѣ Валліано, то вѣроятно это сдѣлано было для того, что по этой улицѣ было удобнѣе пройти въ консульство.

Изъ огромнаго числа фактовъ приводимыхъ въ дѣлѣ, упомянемъ объ одномъ, заслуживающемъ особеннаго вниманія.

Военный судъ, учрежденный президентомъ, вѣдомству котораго поручены были дѣла о возмущеніяхъ, о государственной измѣнѣ и разбояхъ, подвергъ допросу Георгія и его сообщниковъ, но они упорствовали въ запирательствѣ и возлагали всю вину на Константина, котораго уже не было на свѣтѣ. Въ числѣ вещей, подкрѣпляющихъ обвиненіе, представлены пистолеты Георгія и Караяни; одинъ изъ нихъ былъ заряженъ, а на другихъ оставались слѣды недавнихъ выстрѣловъ. Обвиняемые утверждали, что они выстрѣлили на воздухъ, для того чтобы передъ ними пострадать за преступленіе Константина. Пистолеты Партиноса оказались не заряженными, и на нихъ не оказалось слѣдовъ выстрѣла, и потому судъ призналъ его виновнымъ въ измѣнѣ и убійствѣ не предумышленною. Впослѣдствіи онъ однакожъ признался, что и его пистолеты также были заряжены, какъ и у прочихъ; но, не смотря на такое признаніе, чья-то благо-

склонность измѣнила заслуженный имъ смертный приговоръ на ссылку въ каторжную работу, срокомъ на 10 лѣтъ.

Карални, выслушавъ чтеніе своего смертнаго приговора, пришелъ въ сильное отчаяніе; тутъ онъ сталъ говорить, что сообщитъ важныя открытія, и судъ имѣлъ слабость согласиться его выслушать. Это доставило преступнику возможность выиграть время до той эпохи, когда нечего уже было думать о совершеніи казни. Послѣ того, вмѣстѣ съ Партиносомъ, онъ свободно и спокойно ходилъ по городу.